

Арсас
и
Исмения,

восточная повесть.

Из последних творений г. Монтескюи.

перевел

Николай Страхов.

МОСКВА,

В Типографии Компании Типографической,

с Указнаго дозволения,

1787.

Арсас
и
Исмения,

восточная повесть.

При конце царствования Артамена¹, Бактриана² возмущаема была междоусобными раздорами. Сей удрученный печалию Государь умер, оставя престол дочери своей Исмении. Аспар, начальник евнухов, имел главное правление над делами; не желая быть властелином, пекся он только о пользе отечества. Он знал людей, и справедливо рассуждал о происшествиях. Разум его был с природы миролюбив, и душа его казалась принимающею свойства тех, кои его окружали. Мир, о коем совсем было отчаялись, возстановился. Таковые были успехи стараний Аспаровых; каждой вступил в исполнение своей должности, как бы никогда оную не оставлял. Без шуму и принуждения умел он производить великия дела.

Мир сей прерван был Гирканским Царем³; он отправил послов для изтребования себе Исмении в супружество, и от отказа на сие предложение вступил в Бактриану. Сие вступление всех удивляло. Иногда он был окружен оружиеми для побеждения неприятелей; иногда был одет как влюбленный, который страстью влечется к своей любезной. Он имел при себе всё приличное к совершению брака; вел с собою множество танцовщиков, музыкантов, комедиантов, поваров, евнухов и женщин. Он писал к Королеве наинежнейшия письма; но притом не оставлял опустошать ея области: в один день производились пиры, а в другой война. Никогда не было столь совершенного примера войны и мира; первая оказывалась жестоким разорением, а последний множеством увеселений. Одной деревни жители убегали от жестокости победителя, в другой же обитающие утопали в веселиях, доставляемых пирами и плясками; и по отменному своенравию стараяся он совсем о противных друг другу вещах, он искал быть страшным и любимым; но ни в том, ни в другом успеть не мог. Армия Бактрианская послана была против его, и одно сражение окончало войну. Некоторой воин, недавно прибывший в Бактрианскую армию, оказал удивительную храбрость; он, пробившись к тому самому месту, где Король Гирканский с успехами сражался, взял его в плен. Он отдал сего государя в руки одному Офицеру, и не

сказавши своего имени, ушёл в толпу солдат; но при радостных восклицаниях он был остановлен, и торжественно введён в ставку Главнокомандующаго. С благородною смелостию предстал он пред него, и с скромностью отзывался о сём случае. Предводитель хотел его наградить, но он явил себя к сему нечувствительным. Он ему хотел оказать почести; но он показался к оным привыкшим.

Аспар по сему разсудил, что сей человек не низкаго происхождения. Он велел пригласить его ко двору; и когда его увидел, то более утвердился в своём мнении. Присутствие его привело его в удивление. Совершенная печаль, начертанная на его лице, произвела к нему уважение. Он, выхваляя его храбрость, говорил наилестнейшия слова. Милостивый государь! сказал ему иностранец: простите несчастнаго, коего жестокость участи делает неспособным чувствовать ваши милости, а тем более соответствовать на оныя. Глаза его наполнились слезами, и евнухи ими был тронут. Как! Ты несчастлив? сказал он ему: то будь мне друг. Пред сим я тебе удивлялся; а теперь я тебя люблю. Я желаю, чтоб ты, воспользовавшись моим и своим разсудком, мог себя утешить. Перейди жить во дворец мой. Те, кои в оном обитают, любят добродетель, и ты не будешь между ими чужд.

На другой день было торжество для всех Бактриан. Царица вышла из своего дворца со всею своею свитою. Среди безчисленнаго множества народу она сидела на колеснице. Закрывающее лице ея покрывало не сокрыло прелестный стан ея; черты ея были скрыты, но любовь народа казалась их усматривающею.

Она, сошед с колесницы, пошла во храм: знатные Бактриане находились около ея. Она, падши на землю, тихо произнесла молитвы к богам; потом, открыв покрывало и пододвинувшись вперёд, говорила громко:

Безсмертные боги! Бактрианская Царица пришла вас благодарить за милости, оказанные вами в победе, свершите ваше милосердие тем, чтоб она не употребляла того во зло; соделайте, да не имеет она ни страстей, ни слабостей, ни прихотей, чтоб она опасалась более всего делать зло и тщиалась бы только делать добро, и как ей щастливой быть уже не возможно - - - (сказав сие вздохами прерывающимся голосом); соделайте, по крайней мере чтоб народ ея был щастлив.

Жрецы окончали церемонии, учреждённые в честь богам. Царица, вышед из храма и взошед на колесницу, была всем народом провождаема до дворца своего.

Спусти несколько времени, Аспар пришёл в свои покои; он искал иностранца, и нашед, увидел его погруженна в жесточайшую печаль. Севши подле него, и приказав вытти окружающим их, сказал ему: заклинаю тебя открыться мне. Неужели ты думаешь, что сердце, терзаемое печальми, не ощущает радости в открытии своих мучений? Это приводит нас как бы в тихое пристанище. И так должно мне, сказал иностранец, рассказать тебе все те приключения, кои во всю свою жизнь я имел. О сем-то я и прошу, отвечал Аспар: ты будешь сие рассказывать чувствительному человеку; не скрывай от меня ничего: дружба имеет право сего требовать.

Аспарово любопытство знать его приключения происходило не от одного только сострадания и чувствительности. Он хотел сего достойнаго человека привязать к Бактрианскому двору, и для того совершенно хотел знать такого человека, с коим нечто исполнить был намерен, предопределяя его мысленно к величайшим делам.

Иностранец, несколько подумав, так начал говорить:

Любовь есть виновница и щастия моего и нещастия. Посеяв трудности и удовольствия, оставила в последствие один только плач, жалобы и мучения.

Я родился в Мидии⁴ от знаменитых родителей. Отец мой многия одержал победы, коим целая Мидийская армия была свидетелем. Я его лишился еще в моем младенчестве; и те, коим было препоручено мое воспитание, заставляли щитать меня его добродетели за наилучшую часть оставленнаго им наследства.

В пятнадцать лет уже я начал жить по своему произволению. Женщин мне столько не дали, сколько обыкновенно отягощают людей равнаго со мною рождения. Последуя природе, хотели меня научить, что нужды чувств, будучи ограничены, то подобно им и сердце.

Ардазира не столь отличаема была от прочих моих женщин ея знатностию, сколько моею к ней любовью. Она имела величавость, смешанную с чем-то нежным; чувствования ея были толь благородны, толь отличны от тех Азиатских женщин, коим вселяют всегдашнюю в сердце покорность; притом она была столь прекрасна, что глаза мои зрели одну только ее и о прочих сердце забыло.

Черты лица ея приводили в восхищение; а стан ея, вид, прелести, звук голоса, приятность разговоров, меня очаровали. С нею только хотел говорить, и ее всегда видеть; во всей природе ничего я совершеннее ее не находил: воображение ничего, кроме

ее, мне не представляло. Когда я размышлял о благополучии, какое может вкушать человек, считал себя в таком положении.

Знатное мое происхождение, богатства, молодость и некоторые личные мои выгоды побудили Короля отдать за меня дочь свою. В Мидии такой обычай, что те, кои удостоиваны были сей чести, должны были неотменно других жен оставить. Вступая в сей знатной союз, я должен был лишиться наилюбезнейшего для меня в свете сокровища; но принужденным себя находил, скрывая мои слезы, являться радостным. Между тем, как весь двор поздравлял меня с предпочтением, коего всяк из них желал, Ардазира не старалась меня увидеть; а я хотя и страшился ея присутствия, но искал ее. Вошед к ней, я был безутешен. Ардазира! сказал я: я тебя лишаюсь. - - - Но она, не оказав мне ни ласк, ни упреков, не проливая слез, потупив глаза, в глубокой находилась задумчивости; смертельная бледность казалась на ея лице, и я зрел на оном некоторое негодование, с отчаянием смешанное.

Я хотел ее поцеловать, но она мне показалась оледенелою; я в ней не иначе почувствовал движение, как только для избежания из объятий моих.

Не страх смерти побудил меня согласиться на брак с дочерью Государя но сомнение о участи Ардазиры, котораяб конечно соделалась жертвою жестокаго мщениа. Когда я представлял, что мой отказ будет причиною ея смерти, разум мой смущался, и я хотел решиться ввергнуть себя единого в нещастие.

Я был отведен к Королю во дворец, и мне запретили выходить из онаго. Я зрел сие здание, для многих горестное, и для единого в утешение служащее; сие место, где, несмотря на безмолвие, едва слышны вздохи любви; сие место, где царствует печаль и великолепие, где искусством все оживляется и имеет смеющихся приятности, и где всякое существо уныло и печально, где все, как и владетель онаго, безгласно, и где все равно, как и он, исчезает и рушится.

В самой той день я был представлен пред Принцессу. Взоры ея мне были бы несносны; но мне повелено было стоять пред нею, потупив глаза. О чудныя дела знатных людей! естли бы ея взоры про что либо мне и сказывали, то мои не могли бы отвечать. Два евнуха в руках имели по обнаженному кинжалу, готовому меня пронзить в случае, естли бы я посмел возвести на нее взор свой.

Жить при дворе и быть в нем невольником, вести рассеянную жизнь между своенравными и гордыми, не чувствовать кроме

почтения и потерять навсегда то, что и в самом порабощении утешает, не любить и не быть любиму! вот участь, кою я должен был сносить.

Но в какое я пришел отчаяние, когда присланной от Принцессы евнух мне сказал, что я должен дать обязательство в том, что все мои жены были высланы из их жилища! Подпишите, сказал он мне, а после по том уже думайте; я должен донести Принцессе, сколь вы скоро исполнили ея повеление. Слезы потекли по моему лицу; я хотел начать писать, и остановился. Сделай милость, сказал я евнуху, подожди; я умираю - - - Государь мой! сказал он мне: как ваша, так и моя жизнь от сего зависит; подписывайте: нас уже признают виновными; щитают и самыя минуты; давно уже прошло время мне возвратиться. Дрожащею и скорою рукою (ибо разум мой меня оставил) начертал я буквы, которые к совершению моего нещастия служили.

Накануне моего бракосочетания все женщины мои был из дому разпущены; однакож Ардазира, подкупив одного моего евнуха, одну станом и походкою схожую на ея невольницу одела в свое платье и дала свое покрывало, а сама скрылась в тайное в доме место. Она сказала евнуху, что хочет себя посвятить богам, соделавшись их жрицею.

Ардазира, имея великую душу, хотя и чтила закон, но он же самый удерживал ее не разрывать брачных уз, дабы совершенно оному себя посвятить. Худое употребление власти завставляло ее почитать оную природу. Безсилie производило в ней отчаяние.

Обряд бракосочетания происходил при дворе. Я вел Принцессу в мой дом. В одном музыка, пляски и пирование, исполняли других веселием, коего я один только ощущать не мог.

По наступлении ночи весь двор нас оставил. Евнухи проводили Принцессу в ея спальню. Увы! Она была самая та, в коей я много раз клялся Ардазире. Я пошел в мои покои, исполнен будучи яростию и отчаянием.

Назначенное время для увенчания брака уже пришло. Я пошел чрез тот переход, которой живущие в моем доме мало знали, и чрез которой любовь часто ходить меня заставляла. Темнота меня окружала. Я был один, печален, задумчив, как вдруг от факела все осветилось. Ардазира с кинжалом в руках предстала пред меня. Арсас! она сказала: поди и скажи новой твоей супруге, что я здесь умерла; скажи ей, что с потеряннем твоего сердца теряю я и жизнь. Она хотела заколоться; но я остановил ея руку.

Ардазира! вскричал я: какое ужасное зрелище хотела ты мне представить? - - - И разкрыв грудь свою, сказал: лиши того, кто не противоборствовал варварским уставам. Она побдледнела, и кинжал выпал из ея рук. Я ее поцеловал, и не знаю, каким то очарованием показалось мне, что душа моя успокоилась. Я обнял любезной сей предмет, и предался всем восхищениям. Все, даже и самое воображение моего нещастия, из мыслей моих изстребилось. Я думал, что обладаю Ардазирою, и казалось, что никогда не могу ее лишиться. Чудное действие любви! сердце мое возпылало, и душа моя успокоилась.

Ардазирины слова побудили меня опомниться. Арсас! сказала она: оставим сии для нас нещастныя места, уйдем. Чего бояться нам? Мы умеем любить и умирать. - - - Ардазира! сказал я ей: ты будешь вечно моя; ты никогда из него не изстребишься, так как и теперь не выдешь из моих объятий, я вечно с тобою пребуду. Клянусь богами, что единая ты послужишь мне благополучием в сей жизни. - - - Ты мне сделала очень хорошее предложение: любовь оное мне внушала; она и теперь мне внушает чрез тебя; теперь ты можешь удостовериться, люблю ли я тебя.

Я ее оставил, исполнен будучи любовию и нетерпеливостию, делал моим служителям разные повеления. Я взял золота и камней, сколько можно было нести. Разослав невольников по разным дорогам, отправился один с Ардазирою в темноту нощную, всего надеясь, и всего боясь; волнение страстей производило во мне раскаяние, не зная, должности ли я более следовал, или любви, заставляющей оную забывать.

Я не буду вам пересказывать о тех бедствиях, на кои мы решились. Ардазира, не смотря на слабость ея пола, меня ободряла; жизнь ее оставляла, но она не переставала за мною следовать. Я убегал присутствия людей; ибо все люди соделались мне неприятелями: я искал степей. Мы прибыли в те горы, на коих обитали тигры и львы. Сие жилище зверей меня успокоило. Сюда, сказал я Ардазире, евнухи Принцессины и приставы Мидийскаго Царя искать нас не придут. Но напоследок лютые звери столь начали около нас умножаться, что я начал опасаться. Я убивал тех стрелами, кои ближе прочих к нам подходили; ибо вместо того, чтобы запасаться съестным, взял я с собою довольно орудиев, с помощью коих везде себе можно сыскать пищу. Угнетаем будучи со всех сторон, высек я огонь, и зажегши сухой лес, проводил ночь у сего огня, производя стук моими орудиями, дабы отбегали звери.

Иногда я разкладывал огонь в рощах, сражаясь, гнал из оных уstraшенных зверей. Мы прибыли в страну, ничем, кроме травы, непокрытую; я удивлялся тишине, которая в сей обширной природе находилась. Она изображала то время, в какое рождались боги, и в которое красота первая явилась; любовь ея возпламеня дала всему жизнь.

Напоследок мы выехали из Мидии. В жилище пастухов считал я себя Государем всего света; и там мог сказать, что я был Ардазирин, а Ардазира моя.

Мы приехали в Маргиану; тут наши невольники к нам присоединились. Там мы жили в деревне, отдаленной от света и шуму. Друг другу будучи утешением, разговаривали о настоящих наших радостях и о прошедших бедствиях.

Ардазира мне рассказывала, что она ощущала в то время, когда нас разлучили, сколь мучила ее ревность тогда, когда она думала, что я ее не люблю, об ожесточении ея против варварских уставов, о гневе, что я оному повинуюсь. Она намерена была отравить Принцессу; по том сие отложила, находя в том себе удовольствие, дабы при мне умертвить себя; она в том не сомневалась, что я сим буду тронут. Когда я был в ея объятиях, говорила она; когда мне предложила оставить мое отечество, то была уже во мне удостоверена.

Ардазира никогда не была столь щастлива, все ее восхищало. Живучи в Мидии, не участвовали мы в ея пышностях; наши нравы были умеренны. Она видела то. Что мы потеряли, суть жертва моей к ней любви. Она жила со мною одна. В сералях, в сих местах роскоши, всегда питают ревность, представляя, что имеют соперницу, и когда в оных наслаждаются тем, что любят, более любящих; и чем более любят, тем более огорчаются.

Но Ардазира ни мало меня не подозревала; ея сердце было уверено в моем. Кажется, что такой предмет любви всему тому, что нас окружает, придает веселой вид, и что предмет сей, нам будучи мил, заставляет также и нас веселиться и всю природу; кажется, что такая любовь подобна прелестному младенчеству, исполненному утехами игр, и пред коим все имеет улыбающийся вид.

Я чувствую некоторой род приятности, говоря вам о прошедшем щастии нашей жизни. Иногда в рощах терял я Ардазиру, и находил ее по звуку ея прелестнаго голоса. Она украшала себя нарванными мною цветами, а я украшал себя нарванными ею.

Пение птиц, журчание водометов, пляски и музыка молодых наших невольниц, приятность везде начертанная, свидетельствовали непрерывное наше благополучие.

Иногда Ардазира представлялась пред меня с природною живостью, наряженная без всяких украшений пастушкою; иногда видал ее в том платье, в котором она была в то время, как я ею наслаждался в сералях в Мидии.

Ардазира заставляла женщин своих трудиться над прекрасными рукоделиями. Они пряли Гирканскую шерсть, и делали из оной Тарской пурпур. Весь дом чувствовал живейшую радость. Мы с удовольствием низходили в равенство природы; мы хотели жить с такими людьми, кои бы каковы ни были. Ложное щастие делает людей жестокими и гордыми; оно никому не сообщается. Истинное щастие соделывает их снисходительными и чувствительными, и сие щастие разделяется всегда.

Я помню, что Ардазира выдавала за муж одну ею любимую девушку за отличнаго от прочих моего служителя. Любовь и молодость составляли сей брак. Любимица Ардазиры ей сказала: сей день есть первый день также и твоего брака. Все дни моей жизни, отвечала она, будут первыми днями онаго.

Удивительно думаю вам покажется, что бежавши из Мидии, имея на приготовление к отъезду всего одну минуту, не могли с собою более унести золота и каменьев, как столько, сколько можно было одною рукою, мог я столько быть богат, что имели в Маргиане палаты, и великое множество слуг, и все потребныя к общежитию вещи. Я сам сему удивился, да и теперь еще удивляюсь. Я не имел ни от кого помощи, но везде все находил. Казалось, что золото, каменья, драгоценности, сами меня собою дарили. Вы может быть подумаете, что это от неожиданных случаев; но столь частые и всегда теж самые случаи не могут назваться нечаянными случаями. Ардазира сперва думала, что я хотел ее удивить, взяв с собою богатства, кои она не знала. Я со своей стороны то же думал о ней. Но мы скоро увидели, что в сем обманываемся. Я много раз находил в моей горнице мешки, наполненные множеством денег; Ардазира также находила ящички, полные дорогими каменьями. В один день прогуливаясь в саду, увидел я маленькой сундучек, золотыми деньгами насыпанной, и нашел другой в дупле того дерева, под которым я обыкновенно отдыхал. Я оставляю говорить о прочем. Я был уверен, что ни один человек в Мидии не знал о том месте, в котором мы укрывались; да при том же я знал, что

оттуда не должно мне было надеяться никакой помощи. Я ломал голову, дабы узнать, откуда все сие получаю; но все мои догадки одна другой противоречили.

Рассказывают, сказал Аспар, прервав Арсасову речь, весьма удивительные сказки о некоторых сильных духах, привязанность имеющих к некоторым людям, и делающим оным великие благодеяния. Все то, что мне о сем ни говорили, не произвело в моем разуме ни малаго впечатления; но то, что я теперь слышу, весьма меня удивляет: вы рассказываете не то, что вы слышали, но то, что сами испытали.

Положим, что их вспоможениями (продолжал Арсас) естественными, или сверхъестественными, как бы то ни было; но вместо того, что большая часть людей повсюду находит одну только нищету, яж не обретал ничего, кроме богатств; а что всего более приведет вас в удивление, есть то, что деньги являлись в самое то время, как уже нищете должноствовало быть. Как только богатство начинало умаляться, другое являлось, и иногда не с толиким, как прежде, излишеством было; но чрез сие только излишности уменьшались, а для нужного онаго было довольно. Но мне скучно уже, сказал он, рассказывать вам о чудных сих вещах. Я вам говорю о том, чему я принужден был верить не для того, чтобы и вы тому же верили.

На кануне свадьбы Ардазириной любимой девушки, прекрасной молодой человек принес мне плод пальмоваго дерева. Я ему дал несколько серебряных денег; он их взял, оставил плод, и более не являлся. Понесши оной к Ардазире, я почувствовал, что он тяжелее обыкновеннаго плода. Мы начали оной есть, и нашли, что его середина наполнена была яхонтами. Во всем доме говорили, что дух принес сокровище для издержания онаго на совершение свадьбы.

Я сим удостоверяюсь, что дух и прочих нам благодеяний есть содетель; но сие щастие соделывает любовь приятнее, хотя она и сама по себе способна учинить нас благополучными. Арсас! Сей дух знает мое сердце; он видит, сколь я тебя люблю. Я желала бы его увидеть, дабы от него узнать, сколь много ты меня любишь.

Я начну рассказывать теперь мои приключения.

Страсть Ардазиры и моя не препятствовала нам познать разность нашего воспитания и свойств. Ардазира жила, дабы только любить; страсть ея была ея существованием; вся ея душа исполнена была любовью. Она меня очень любила, и любила бы более,

если бы было возможно. Моя же любовь к ней умножалась; ибо казалось мне, что я ее люблю менее, нежели сколько должно. Одна Ардазира меня только занимала; но нашлись такие вещи, кои меня погрузили в задумчивость. Я гонялся в лесах за оленями, а после должно мне было сражаться с лютыми зверями.

Вскоре представилось мне, что я веду низкую жизнь. Я нахожусь, говорил я, в государстве Маргианскаго Короля, для чего не являюсь я к его двору? Слава моего отца представилась моему уму. Поддерживать славу предков есть трудное бремя; ибо обыкновенныя добродетели людей затмевают ту славу, которая только совершенствами оных приобретается. Кажется, что старание о нас прочих людей превосходят собственные наши старания. Когда я был в Мидии, говорил я, я унижался, скрывая более мои добродетели, нежели пороки. Там добродетели мои коль ни были бы гонимы двором, то по крайней мере обратилиб на себя зависть. Но теперь будучи без отечества, я ни от кого независим, я волен среди лесов, как львы; души моей понятия соделаются низкими, колья продолжу вести низкую жизнь.

Время от времени сии мои разсуждения более умножались. Мы с природы таковы, что чем более бываем щастливыми, тем более еще вышшаго щастия желаем. Мы и в самом блаженстве нетерпеливы. Как разум наш непрестанно мыслит, так сердце наше непрестанно желает. Когда мы чувствуем, что благополучие наше не может более умножиться, то и тогда мы стараемся придать оному новой вид. Часто честолюбие мое раздражалось и самую любовь, в надежде, что я достойнее буду обладания Ардазирою, и не смотря на ея прозбы и слезы, отправился в путь.

Я сам себе изменил. Сто раз вознамеривался я возвратиться. Хотел пасть к Ардазириным ногам; но стыд обмануть себя, известность, что не в силах буду впредь ее оставить, привычка, несчастиями мною приобретенная, повелевать сердцу то, что с трудностию может оно исполнять, все сие решило меня удержаться в моих предприятиях.

Король меня принял с отличною благосклонностию. От знаков оной я почти забыл, что я иностранец. Я со всех сторон получал удовольствие: он меня предпочел пред прочими молодыми людьми. Не было такого достоинства, ни чина в Маргиане, котораго бы я не надеялся получить.

Скоро представился Королю случай оказать мне свою милость. Маргианской двор находился в тишине; но вдруг при оном заго-

ворили, что великое множество варваров ворвались на границу и побили армию, им на сопротивление посланную, и что оные поспешали к столице. Когда бы город начали осаждать, то двор без сомнения должен бы был погибнуть. Находящиеся при оном люди, кроме веселий, ничего не знали. Они не знали различать нещастия от нещастия; не знали, которое из оных было неизбежно и котораго не возможно было отвратить. В скором времени собрали совет, и я, находясь у Короля, был в числе составляющих оной. Король, будучи в отчаянии, давал советы, не имеющие никакого смысла. Ясно было видно, что они без ободрения должны были пропасть. Первый Министр начал говорить. Он сделал предложение, чтоб для спасения Короля послать к предводителю неприятельской армии ключ от градских ворот.

Не окончал он еще своей речи, как весь совет хотел тому последовать. Я встал с места в то время, как он говорил, и, оборотясь к нему, сказал: естли ты еще промолвишь хотя одно слово, я тебя заколю. Король тебя слушает напрасно, и все здесь находящиеся храбрые люди вотще теряют время, внимая твоим трусливым советам. И оборотясь к Королю, так продолжал говорить: Ваше Величество! обширное государство не погибает от одного удара, к отвращению онаго вы имеете множество средств; и когда уже оныя не будут иметь действия, то тогда слушайте подлых сих советников, и предпочтите вольность смерти. Друзья мои! я клянусь вам, что с вами буду защищать Короля до последнего моего издыхания; ступайте, вооружим народ, и ободрим оной нашею отважностью.

Начали защищать город, и я из онаго вышел на вылазку с войском, составленным из Маргианцов, и с несколькими отважными моими слугами. Мы много побили неприятелей. Вооруженная конница препятствовала привозу к ним съестных припасов. Они не имели машин для осады города. Войско наше день ото дня умножалось. Они отступили, и Маргиан был освобожден.

В шумных веселиях сего двора я чувствовал только ложные радости. Ардазиры мне повсюду не доставало, и сердце мое к ней единой обращалось. Я знал мое благополучие, но убегал его; я оставил истинныя радости, и думал их обрести в заблуждениях.

Ардазира со времени моего отъезда предалась мучениям, и оныя прерывались новыми мучениями. Она ощущала все страсти, и ни одною не была довольна. Она хотела пребыть в

молчании; хотела приносить жалобы; брала перо, дабы писать; презрение заставляло ее отлагать сие намерение; она не могла на то решиться, что должно ей было более изъяснить мне свою ли чувствительность, или холодность; но напоследок горести, колеблющая ея дух, кончили ея сомнения. Она написала мне следующего содержания письмо:

“Естьли бы ты имел в сердце хотя бы самомалейшее чувствование жалости, никогдаб меня ты не оставил, соответствовал бы на нежности моей любви и чтил бы наши нащастия; ты считаешь себя легковерным, посвящаяся мне, Жестокой! потерю сердца, любовь к тебе горящаго, считаешь ты разве за ничто? Как можешь ты то знать, что я, уже более тебя не видя, могу столь быть терпелива, что не лишу себя жизни? И естьли я умру, можешь ли ты, варвар! сомневаться, что не ты причиною оной? О боги! ты! ты, Арсас! смерти моей будешь виновник. Сердце мое, уже при-выкшее печалиться, не ужаснется, приступая к сему. Я думаю, что никогда не буду в состоянии оплакать всех твоих нещастий, и что во всю мою жизнь надеюсь быть нечувствительною к моим.”

При чтении сего письма я не мог воздержаться, дабы не пролить источники слез. Сердце мое было объято печалию, и из чувствования жалости родилось лютое раскаяние от воображения, что я стал причиною нещастий той, которую я люблю более себя.

Я хотел просить Ардазиру, дабы она приехала ко двору; но я скоро сие отменил.

Маргианской двор почти только и есть один во всей Азии, при котором женщины не исключаются из обращения с мужчинами. Король был молод. Я думал, что он, могши все, может и любить. Ардазира ему бы понравилась, и воображение сего мне страшнее было тысячи смертей.

Я предпринял намерение к ней возвратиться. Вы удивитесь, когда узнаете, что меня в сем остановило.

Ежеминутно ожидал я от Короля высоких знаков его благодарности. Я себе воображал, что представши пред нее осыпанным почестями, легко могу перед нею себя оправдать. Я думал, что она меня от сего более будет любить, и уже наперед ощущал то удовольствие, которое мог иметь, повергая мое щастие к стопам ея.

Я ей отписал о причине медленности моей в возвращении, и сие самое повергло ее в отчаяние.

Знаки Королевской милости были столь велики, что начали приписывать причину оных страсти, которую ощутила ко мне

Королевская сестра. Таковым вещам верят всегда, хотя сказано бывает и один раз. Невольник, присланной ко мне от Ардазиры, о сем к ней отписал. Воображение иметь соперницу повергло ее в жестокую печаль, которая еще более умножилась, когда узнала она о соделанных мною делах. Она не сомневалась, что приобретение славы умножит любовь. Я не Принцесса, говорила она, в своей горести, но я не нахожу ни одной из них в свете, которая б справедливее могла обладать его сердцем, как я; я сего никому не уступлю, и коль я сие доказала в Мидии, докажу и в Маргиане.

По многих размышлениях она решилась сие сделать.

Она отпустила от себя множество невольниц и приняла новых; послала нанять в Согдиянской области богатой дом, и взяв с собою новых невольников, коих я не знал, приехала ко двору. Переговорив с одним ей преданным невольником, приняла меры на другой день меня увезти. Я должен был итти мыться в реку. Невольник меня проводил к самому тому реки месту, где Ардазира меня уже ожидала. Лишь только я разделся, то меня охватили, надели на меня женское платье, посадили в закрытую повозку и везли в оной день и ночь. Мы скоро проехали чрез Маргианскую область и прибыли в Согдиянскую. Меня заключили в палаты; сказали мне, что некоторая влюбившаяся в меня Принцесса велела меня увезти и тайно привезть в область, ей принадлежащую.

Ардазира не хотела объявить ни о мне, ни о себе. Моим заблуждением она хотела любоваться. Все те, коим не открыта была тайна, почитали ее Принцессою; но мущина, заключенной в ея палатах, мог бы опорочить ея поведение. Мне дали женское платье, и все меня почитали девушкою, недавно купленною для услужения ей.

Я был тогда на семнадцатом году. Мне говорили, что я имею все приятности молодости; хвалили мою красоту, как бы я был точно девицею того дома.

Ардазира, доподлинно зная, что славолубие принудило меня ее оставить, все меры употребляя, дабы ослабить мою храбрость. Я был отдан на руки двум евнухам. Весь день употребляем был на одевание меня; украшали мою грудь, мыли и напрыскивали меня наибогороднейшими духами. Я никогда не выходил из дому; учили меня, чтоб я сам себя наряжал; а особливо старались меня приучить к послушанию, коему подвержены женщины во всех восточных сералях.

Я был раздражен сими со мною поступками. На все бы я решился, дабы разрушить мои узы; но будучи без оружия и окружен людьми, всегда надо мною надсматривающими, я не страшился вырваться из неволи, но недоставало мне к тому средств. Я надеялся, что со временем надо мною не с толикою неусыпностью будут надсматривать, и что я могу со временем, преодолев несколько невольников, или вытти из сего дома, или умереть.

Признаюсь, что при том некоторой род любопытства узнать, чем все сие кончится, удерживали меня произвести в действие мои намерения. Будучи в стыде, печали и смущении, после я дивился, что не имел ни малой к оным причины. Я вымышлял предприятия, но оныя кончились всегда некоторым смущением; тайное очарование, неизвестная сила удерживали меня в сем жилище.

Притворная Принцесса всегда имела лице закрытое, и никогда не слышал я ея голосу. Она почти весь день смотрела на меня сквозь решетку, сделанную в стене моей горницы. Иногда приводили меня к ней. Невольницы пели наинейнейшия песни; казалось, что все изъявляло ея любовь. Я никогда не был подле нее; она всегда мною занималась, всегда поправляла мои уборы, она перевязывала мои волосы, дабы лучше они лежали, и никогда не могла удовольствоваться, меня переряживая.

В один день пришли мне сказать, что она дозволяет мне притти к себе. Я к ней пошел; она лежала на пурпуровой софе, но покрывало было на ней; голова ея была положена на ручки софы, и она находилась в приятной томности. Я приблизился к ней, и одна из ея женщин мне так говорила: любовь вам благоприятствует; она сама побудила вас призвать сюда. Принцесса вас любит. Всеб сердца ей покорились, но она требует только вашего.

Как можно мне, сказал я вздохнув, отдать ей то сердце, которое принадлежит уже другой? Дражайшая моя Ардазира есть онаго повелительница; она им вечно будет обладать.

Я не заметил, чтоб при сих словах Ардазира сделала некоторое движение; но после мне сказывала, что она никогда не чувствовала такой великой радости, как в то время.

Дерзкий! сказала сия женщина: Принцесса должна сим столько быть огорчена, как и самыя боги, когда они видят, что есть такие несчастные, кои их не любят.

Я ей должен, отвечал я, моим почтением и благодарностию, которая никогда не кончится; но судьба, жестокая судьба не дозволяет мне ее любить. Великая Принцесса! сказал я, бросившись

на колени, слава ваша да будет в том, когда вы забудете того несчастного, которой, любя другую, не может быть достоин вас.

Я услышал, что она жестоко вздохнула. Казалось, что я видел ее лицо, смоченное слезами. Я сам себя упрекал в нечувствительности, и желал ее утешить; но не возможно было того так сделать, чтоб, соответствуя на ее любовь, не нарушать верности.

Меня отвели в мое жилище, и по прошествии нескольких дней я получил следующую записку, писанную неизвестною мне рукою:

“Любовь Принцессина сильна, но она не тиранская; она не будет раздражена, слыша твои отказы, если найдешь, что оные справедливы. Приходи рассказать ей причины, по коим ты столь пребываешь верен упоминаемой тобой Ардазире.”

Меня к ней проводили. Я ей рассказал все приключения моей жизни. Когда я говорил о моей любви, тогда я слышал, что она вздыхала. Она держала мою руку, и в сии нежные минуты, не смотря на ее притворство, она оную пожалала.

Начни сызнова пересказывать, сказала одна из ее женщин, в каком ты был отчаянии, когда Король Мидский хотел отдать за тебя свою дочь? Расскажи об опасениях, которые ты имел во время побега об Ардазире; рассказывай Принцессе о радостях, которые вы ощущали в уединенных местах Маргианы.

Она всегда недовольна была моим повествованием. Я оное повторял, и она слушала как бы в первый раз; я оканчивал, а она думала, что я еще начинал.

На другой день я получил следующего содержания письмецо:

“Я довольно понимаю о твоей любви, и не хочу, чтоб оную ты принес мне в жертву. Но подлинно ли ты уверен, что твоя Ардазира и теперь еще тебя любит? Может быть, что для сей неблагодарной ты отрицаешься обладать сердцем той Принцессы, которая тебя обожает.”

Я написал в ответ:

“Ардазира столь меня любит, что я не хочу просить богов, чтоб она меня более любила. Увы! она может быть слишком меня любила. Я помню содержание того письма, которое она мне писала после того, как я ее оставил. Если бы вы видели ужасные и нежные изъяснения ее печали, и вы бы были оными приведены в жалость. Я ужасаюсь, что в продолжение того времени, как я заключен в сих местах, отчаяние, что меня лишилась, отвращение к жизни, не побудило ее предпринять с собою то, о чего и сам я сниду во гроб.”

В ответ я получил сие:

“Будь щастлив, Арсас! люби ту красоту, которая и тебя любит; что касается до меня, я требую от тебя только дружбы.”

На другой день меня к ней проводили. Я почувствовал все, что только служило к роскоши. Наиприятнейшия благовония везде разпространялись. Она в приятной томности лежала на кровати, ничем незавешанной, кроме гирландов, сделанных из цветов. Подав мне руку, посадила меня подле себя. Все было прелестно, кроме покрывала, закрывающего лице. Мне виден был ея прекрасной стан. Тонкое полотно, коим она была одета, попеременно то открывало, то закрывало от глаз моих обворожающия ея прелести. Она заметила, что мои галаза на ея были устремлены; и когда они огнем любви начали сверкать, покрывало, казалось, что само собою с нее скинулось. Я видел сокровище божественной красоты. В сию минуту она пожала мне руку и глаза мои только на нее взирали. Одна только, вскричал я, моя Ардазира столь прекрасна; но, клянусь богами, что моя верность - - - Она бросилась мне на шею и заключила в свои объятия. В сие время вдруг огонь погас, покрывало закрылось; она меня поцеловала. Я был вне себя. Тончайший и быстрый пламень разпространился в моих жилах и возжег все мои чувства. Образ Ардазиры исчез из мыслей. Напоминание приятностей - - - но оне казались мне сном - - - Я хотел - - - хотел сию и самой ей предпочтитель. Уже мои руки касались ея груди; оне повсюду быстро бегали; сопротивление уже уступало победе; единаяб минута оную свершила, как вдруг Ардазира сильно начала сопротивляться, другия ей в том помогали; она побежала, и я потерял ее из глаз.

Возвратившись в мою горницу, удивлялся я своему непостоянству. Поутру на другой день принесли мне мужское платье и повечеру повели меня к той, коей красота еще не преставала меня очаровывать. Я, подошед к ней, положил мою голову на ея колени, и восхищаем будучи любовью, говорил о моем благополучии, раскаивался в моих отказах, испрашивал, обещал, говорил все, хотел все видеть и все предпрять, но вдруг заметил в ней странную перемену. Она мне казалась быть холодною; и когда меня уже довольно привела в страх, когда удовольствовалась моим смятением, она мне говорила, и я услышал ея голос в первой раз: не хочешь ли ты видеть лице той, которую ты любишь? - - - Произношение сих слов меня поразило; я сделался неподвижен. Я надеялся, что она Ардазира, и боялся, естли то будет она. Подними сие покрыв-

вало, сказала она мне. Я, его открыв, увидел Ардазирино лице. Я хотел говорить, но голос мой прервался. Любовь, удивление, радость, стыд, все сии страсти меня объяли. Ты, Ардазира! сказал я ей. Да, неверной! это я. Ардазира! сказал я ей прерывающимся голосом, почто приводила ты в искушение несчастную любовь? Я хотел ее поцеловать; я тебе покорена, государь мой! сказала она: уввы! я надеялась тебя увидеть более мне верным, нежели сколько ты есть. Повелевай здесь всем. Наказывай меня, естли хочешь, за то, что я сделала - - - Арсас! говорила она, проливая слезы, ты того не заслуживаешь.

Дражайшая Ардазира! сказал я ей, почто заставляешь ты меня отчаяваться? Не ужель ты думала, что я не пленюсь тою красотою, которую я всегда обожал? Разсмотри, ты сама себе противоречишь. Не ты ли была та, которую я любил? Не та ли самаяж красота, которую ты имеешь, меня возпламенила? Ах! сказала она, ты мог бы и другую любить. Я не мог бы, отвечал я, любить другой, кроме тебя. Другая бы мне опостылела. Я бы и тогда был постоянен, коль рассмотрел бы твое лице, коль услышал бы прелестной твой голос, и коль узрел бы твои очи. Но пощади меня, не доведи меня до отчаяния; помысли, что из всех неверностей, каковыя только учинить можно, я соделал только самомаловажнейшее. По томным очам ея я познал, что сердце ея на меня миновалось: умирающий глас ея то мне доказывал. Я охватил ее своими руками. Коль щастлив тот, кто имеет в объятиях своих любезной предмет! Кто может изъяснить то благополучие, которое предоставлено истинным любовникам? Сколь щастливы те, коих любовь раждается по удовлетворении самой любви, когда все требуется, все обещается и все исполняется; когда все имеют, но чувствуют, что имеют еще недовольно, и когда кажется душа излетающею и возвышающеюся сверх самой природы!

Ардазира, пришедши сама в себя, мне сказала: любезный мой Арсас! любовь, которую я к тебе ощущаю, побудила меня учинить с тобою сей необычайной поступок. Неограниченная любовь не имеет ни правил, ни законов. Оные не известны тем, кто побуждаются быть своенравными в надеяния чрез сие доставить себе утехи. Заклинаю тебя богами, не оставляй меня никогда. Чего тебе недостает? Ты щастлив, коль меня любишь. Ты то знаешь, что ни один из смертных так не любим, как ты: скажи мне, обещаешься, поклянись, что останешься навсегда здесь.

Я произнес тысячу клятв, которые прерывались одними поцелуями, и она им поверила.

Щастливая любовь и при самом истощении заставляет себя познавать и чувствовать, и наслаждаясь красотой, остается тронута приятностями.

Мы жили в Согдиане в совершенном щастии, коего я изъяснить вам не могу. Я пробыл несколько месяцев в Маргиане, и сие пребывание совершенно излечило меня от честолюбия. Король меня хотя жаловал; но я скоро заметил, что моя храбрость и его трусость, коей я был свидетелем, приводили его всегда в смущение, когда я являлся пред него. Он не мог меня любить. Придворные, сие приметив, начали меня не столько почитать, сколько прежде; и хотя я спас сие государство от гибели, но все говорили при дворе, что и без моей бы помощи оное не погибло.

И так возчувствовав отвращение к неволе и к невольникам, я не имел иной страсти, кроме любви к Ардазире, и я почел за лучшее быть подвластным одной, которую я любил, нежели многим, мною ненавидимым.

Казалось, что дух никогда нас не оставлял. Мы находились в прежнем изобилии, и видели подобныя прежде бывшим чудеса.

Рыболов продал нам рыбу: мне принесли дорогой перстень, которой нашли в ея челюсти.

По издержании всех денег в один день послал я для продажи несколько камней в близ находящийся от нас город: мне принесли за них деньги, и по прошествии нескольких дней увидел я, что лежат на столе прежние мои камни.

Всемогущие боги! сказал я сам себе, и так мне невозможно обеднеть?

Мы хотели испытать духа, и просили у него себе весьма великой суммы. Он дал нам знать, что наши желания были неограниченны. Мы нашли по прошествии нескольких дней на столе весьма малое число денег. Увидя оные, мы не могли воздержаться от смеха. Дух над нами шутит, сказала Ардазира. Ах! вскричал я, боги знают, что должно делать: средственность, в которой они жить нас заставляют, гораздо превосходнее таких сокровищ, к коих они нам отказывают.

Мы не имели никаких печальных страстей. Сильное честолюбие, жадность к приобретению, зависть о щастии другого, нам стали не известны, и казались страстями другаго мира. Оныя сотворены для наполнения пустоты тех душ, кои от природы

ничем не наделены. Оне выдуманы теми, кои неспособными нашлись совершенно знать других.

Я вам сказал, что мы были любимы всем малым народом, составляющим наш дом. Мы с Ардазирою любили друг друга, и по сродному свойству любви находили удовольствие делать тех счастливыми, кои друг друга любили. Сия самая добродетель, состоящая в соделании счастья другому, придает нам гораздо более счастья, нежели самая любовь. Не лъзя, чтоб те, кои имеют доброе сердце, не чувствовали радости посреди плодов своего благодеяния. Чудное действие природы! человек тем менее собою утешается, чем более только о собственном утешении печется. Сердце только тогда ощущает радость, когда оно отдается другому, потому что его утешения находятся вне его.

От сего-то самага высокомыслие, обращающее к себе сердце, обманывает тех, кои оным упоены; сие самое заставляет их удивляться, что они несчастны среди того, что они почитают благополучием, и не находя онаго в величестве, ищут еще более великаго. Естьлиж они онаго не обретают, то более себя несчастными почитают; естьли же и сыскивают, то и тогда не обретают благополучия.

Гордость, нами обладающая, препятствует нам самим собою обладать; оная, в нас находясь, поселяет всегда с собою печаль. Сия печаль раждается от унылости сердца, которое, чувствуя, что сотворено увеселяться, но не увеселяется, и которое, чувствуя себя сотворенным для других, их не находит.

И так мы всегда бы вкушали радости, природою дающиеся, сколь бы от оной не удалялись. Жизнь наша протекала бы в утехах, невинности и тишине. Мы счисляли бы наши лета возобновлением цветков и плодов, и теряли бы оныя в быстром течении блаженной жизни. Я каждой день видел Ардазиру, и всегда ей говорил, что ее люблю. Единая бы земля покрыла наши тела по смерти; но вскоре счастье мое пременилось, и я испытал жестокою коловратность вещей сего света.

Той области Государь, в которой мы жили, был тиранн, склонный ко всем порокам; но ничто не делало его мерзким, как обиды, им наносимыя тому полу, на который не позволено возводить своего взору. Он узнал чрез одну выпущенную из сераля Ардазирина невольницу, что она есть наипрекраснейшая женщина во всем востоке. Довольно было и сего, дабы побудить его к похищению у меня оной. Темная ночь и множество вооруженных

людей окружили мой дом, и поутру получил я от тиранна приказание отдать ему Ардазиру. Я видел, что спасти ее мне было не возможно. Первое мое намерение было, чтоб умертвить ее во время глубокого ее сна. Я взял кинжал, побежал, взошел в ее горницу, отдернул занавес, от ужаса отступил назад, и все мои чувства похладнели; ярость снова меня объяла. Я хотел итти к стражам, и всех сопротивляющихся мне колотить; но разум мой представил мне гораздо сего надежнейшее средство, и я успокоился. Я вознамерился одеться в то женское платье, в котором я прежде был одет, и назвав себя Ардазирою, сесть в ту повозку, которую тиранн прислал для нее. Выключая того, что не знал другаго средства, чувствовал в себе удовольствие сделать отважное дело в таком платье, коим прежде слепая любовь на несколько времени сделала меня другаго пола человеком.

Я все делал с хладнокровием. Я не велел сказывать Ардазире о бедствии, которому я самопроизвольно предавался, и приказал, чтоб, как скоро я уеду, отвезти ее в другую область. Я взял с собою одного отважного евнуха, и отдался в руки женщин и евнухов, коих прислал тиранн. Мы только ехали два дни, и приехали уже ночью. Тиранн находился в одной галлерее своего сада, где он давал бал своим женщинам и придворным. Он был столь слаб от веселий, как обыкновенно бывают те, кои до крайности оными увеселяются. Он велел меня к себе ввести. Я взошел в галлерею, в коей происходило пиршество. Он меня посадил подле себя; я принужден был скрыть свою ярость, уже начавшую мною обладать. Я не понимал своих желаний. Я хотел привлечь на себя тиранново внимание; и когда он на меня взирал, ярость во мне умножалась. Щитая меня Ардазирою, говорил я сам в себе, смеет он меня любить. Казалось, что его дерзости умножались, и он тысячами обид раздражал любовь. Между тем я уже вознамеривался произвесть в действие лютое отмщение. Он возгарался любовью, и я видел его, нечувствительно приближающагося к своему несчастью. Он вышел из галлерей и повел меня в находящуюся на самом конце сада беседку; с нами никого не было, кроме его евнуха и моего невольника. Уже плотская его похоть доходила до исследования моего пола. Сие железо, вскричал я, докажет тебе, что я мущина. Умри, дабы и в аде сказали, что Ардазирин супруг наказал тебя за пороки. Он упал к моим ногам, и в самое сие время двери беседки отворились; ибо невольник, услыша мой голос, заколол находящагося с ним евнуха. Мы оттуда вышли,

и бегая по всему саду, нашли одного человека; я его остановил: я тебя умерщвлю сим кинжалом, сказал я, ешьли ты мне для выходу отсюда не покажешь дороги. Это был садовник, которой, трепеща от ужаса, отвел меня к дверям, кои он отпер; я их велел запереть и следовать ему за мною.

Я сбросил с себя прежнее платье и надел на себя невольникову епанчу. Мы долго ходили по лесу, и по неожиданному щастию, когда уже очень устали, нашли на купца, кормящего своих лошаков; мы прозьбами склонили его вывезти нас скорее из сей несчастной страны.

Хотя я и избегнул многих бедствий, но сердце мое не было спокойно. Я хотел видеть Ардазирю; ибо всегда о ней сомневался. Женщины и евнухи не сказали ей о нашей опасности; но не видя меня, она сочла меня виновным; она представила себе, что я нарушил клятвы, ей мною данные. Она не могла изгнать из мыслей своих напоминание о жестокой измене. Любовь все видит, чего опасается. Жизнь ей стала несносна; она приняла яд, но он не подействовал. Я приехал, и нашел ее умирающую. Ардазира! сказал я ей, я тебя лишуюсь, ты умираешь! увы! чем я пред тобою виновен? - - - Она заплакала. Арсас! сказала она: за несколько минут я почитала смерть приятною; но с того времени, как я тебя вижу, она мне несносна. Я желала бы для тебя ожить, но душа против произволу моего меня оставляет. Содержи меня в своей памяти; и ешьли я узнаю, что я тебе любезна, то знай, что мучения ада мне не столь несносны тогда будут. Но по крайней мере я утешаюсь тем, что умру, любезный мой Арсас! в твоих объятиях.

Она испустила последний вздох. Я удивляюсь, как я не лишился тогда жизни. Меня взяли от Ардазиры, и казалось, что меня отделили от самого себя. Я устремил на нее мои взоры, и стоял неподвижно на одном месте; я был как безумный. Сей плачевный предмет от меня скрыли, и душа моя предалась прежней горести. Меня потащили. Я обращал глаза свои на сей горестной предмет своей печали. Я бы согласился дать тысячу жизней, дабы видеть ее хотя одну минуту. Взяв шпагу, я прибежал назад; хотел оною себя пронзить, но мне в сем воспрепятствовали. Я выбежал из сего несчастного здания. Разум мой затмился; я бегал по лесам, наполнял воздух моими жалобами. Когда тишина во мне возобновлялась, душа моя все силы напрягала, дабы возобновить печаль. Казалось, что свет ничего мне не представлял, кроме печали и имени Ардазиры. Сие имя с ужасным криком произ-

нося, долго пребывал в молчании. Я вознамерился лишиться себя жизни, и вдруг пришел в ярость. Ты хочешь умереть, сказал я сам себе, не отомстя за Ардазиру; ты хочешь умереть, а сын тиранна в Черкасии окружен утехами. Он живет, а ты хочешь умереть.

Я отправился в путь, дабы его сыскать. Услыша, что он вам объявил войну, полетел я на оную. Я прибыл за три дни до сражения; впрочем вам известно то, что я учинил. Я бы мог умертвить сына тираннова, но я его взял в плен. Я желаю, чтобы в стыде и оковах он вел такуюж несчастную жизнь, как и моя. Я думаю, что чрез несколько дней он услышит о смерти самых его ближних. Признаюсь, что с самого того времени, как я удовольствовал мое отмщение, я уже не ощущал покою, и чувствую, что надежда к отмщению более ласкает, нежели самое отмщение. Удовлетворение мщения, поступок, коему вы были свидетелем; похвальные восклицания народа, как ваша, милостивой государь! дружба, так и все сие, не в состоянии вознаградить меня за то, что я потерял.

Удивление Аспарово начиналось еще при начатии слышанной им повести. Но когда услышал он, что его зовут Арсасом, то узнал, что он Королевин супруг. Некоторые государственныя обстоятельства принудили его отослать в Мидию Исмению, младшую дочь бывшего Короля, которую он тайно воспитывал под именем Ардазиры. Он выдал ее за Арсаса, и всегда имел доверенных людей в его серале. Он был тот самой благодетельный дух, которой обогащал всегда Арсаса, и которой самыми простыми средствами заставлял думать о сих чудесах.

Он имел весьма важныя причины, дабы скрыть от Арсаса Ардазирино рождение. Арсас, будучи весьма храбр, мог бы, взбунтовавши Бактрианцов, взойти на престол по праву супружества своего с Ардазирою.

Но сии его догадки видел и сам он, что были несправедливы. Много раз вознамеривался он прервать Арсасово повествование; но думал, что еще не можно вдруг уведомить о его участи. Министр, прибывший удерживать свою устремительность, должен все производить с разсудком: он решился произвести великое дело без великой торопливости.

Спустя два дни, пронесся слух, что Аспар возвел на трон ложную Исмению. От роптания произошло возмущение. Ожесточившийся народ окружил дворец. Они требовали, дабы им выдали из онаго для умерщвления Аспара. Евнух велел отворить одне у дворца двери; а сам, сидя на слоне, подъехал к на-

роду. Бактрианцы! сказал он, выслушайте меня. И когда еще не переставали роптать, слушайте, сказал он им: естли вы хотите меня умертвить, не все ли будет равно, когда вы меня лишите жизни по прошествии нескольких минут. Вот письмо, писаное и подписанное рукою покойнаго Короля и за печатью его, подите, обожайте оное: я вам его прочту.

Он прочел следующее:

“Небо мне даровало двух дочерей, которыя одна на другую столь схожи, что всякого взор может обмануться. Опасаюсь, чтоб от сего не произошли какия нибудь возмущения, или жестокия войны. Ты, Аспар, святилище империи! возьми младшую из оных, отвези потаенно в Мидию, и старайся о ея воспитании. Пусть она пребудет там до тех пор под чужим именем, пока не будет государству в оной нужды.”

Он положил сие письмо на голову, и с униженностию наклонясь, продолжал говорить следующее:

“Исмения умерла, не сомневайтесь в том; но младшая ея сестра Исменияж теперь царствует. Не ужель вы должны на меня за то роптать, что я, видя приближающуюся к концу жизнь Королевы, привез из конца Азии ея сестру? Можете ли вы на меня за то жаловаться, что я по смерти Королевы возвел ея сестру на трон, ей принадлежащий? Что я умолчал о смерти Королевы, то сего требовали обстоятельства государственныхя. Должны ли вы меня презирать за то, что я исполнил долг верности и благоразумия? Положите ваше оружие. После сего вы не будете виновны; не исполняж сего с самой сей минуты, вы будете оными признаны.”

Аспар рассказал по том, как он молодую Исмению препоручил двум старым евнухам; как ее отвезли в Мидию под чужим именем; как он ее отдал за муж за одного знатнаго человека в оном государстве; как он за нею следовал повсюду, куда судьба ее вела; как болезнь Королевина решила ее похитить, и до смерти оной содержать в серале; как после смерти Королевиной возвел он ее на трон.

Как морския волны утихают от Зефира, так народ был смягчен сими Аспаровыми словами; единыя радостныя восклицания были слышны; все храмы наполнились именем младшей Исмении.

Аспар присоветовал Исмении видеть иностранца, толь знатную услугу Бактрианцам оказавшаго, и чтоб она особливую оному дала аудиенцию. Положено было собрать знатнейших людей и народ, и чтоб в присутствии оных надеть Королеве на него меч.

Знатнейшие люди стояли около обширной залы, а народ находился при входе и по середине оной. Королева в великолепном платье сидела на троне; голова ея усыпана была драгоценными камнями. Она не имела на своем лице покрывала, по обычаю своих предшественниц; красота ея всех ослепляла. Арсас показался, народ начал радостныя восклицания. Арсас, из почтения потупив очи, и пребыв несколько времени в молчании, начал Королеве говорить сии слова:

“Государыня! сказала он тихим и прерывающимся голосом: естли бы что в состоянии было возвратить душе моей прежнее спокойствие, и утешить меня в моих несчастиях...

Королева не допустила окончать его слова. Его лице показалось ей знакомым; она более узнала Арсасов голос. Будучи вне себя, и совершенно забывшись, она сбросилась с своего трона, и пала к Арсасовым ногам.

Мои несчастия, сказала она, превосходнее были твоих, любезной мой Арсас! Увы! я не чаяла с минуты, нас разлучившей, когда либо тебя найти. Я была в смертельной печали.

Не ведая, как сей ея поступок признан будет от народа, она вдруг встала; от стыда краска показалась на ея лице.

“Бактрианцы! сказала она, вы видели меня у ног моего супруга. Я за щастие поставляю, что обнаружила пред вами мою к нему любовь. Я снизшла с моего трона для того, что он со мною на оном не находился, и клянусь богами, что без него на оной никогда не взойду. Я чувствую совершенную радость, что славное дело за время моего царствования учинено им, и собственно для меня соделано. Знатные, народ и граждане! признаете ли вы, что тот, кто обладает мною, достоин обладать и вами? Похваляете ли вы мой выбор? Хотите ли вы избрать Арсаса? Скажите мне, говорите.

Лишь только кончила Королева сии последния слова, весь дворец наполнился восклицаниями; в оных слышны были единые имена Арсаса и Исмении.

Во все сие время Арсас стоял неподвижен. Он хотел говорить, но не мог произнести ни одного слова; он хотел сойти с места, но не имел сил. Он не видал ни королевы, ни народа, и едва слышал восклицания. Радость столь его смутила, что душа его не могла ощутить своего щастия.

Но когда Аспар вывел народ вон, Арсас положил свою голову на Королевиному руку.

Ардазира! ты жива! Ты еще живешь, дражайшая моя Ардазира! Я умирал каждой день с печали. Как боги возвратили тебе жизнь?

Она ему вкратце рассказала, как одна из ее женщин дала ей вместо яду успокаивающее лекарство. Она была три дни без движения; жизнь ее от сего спаслась; первое ее слово было Арсасово имя; она раскрыла глаза, дабы его видеть; пожелала его искать, и сама его искала. Аспар ее похитил, и по смерти ее сестры возвел на трон.

Аспар доставил славное свидание Арсасу с Исменией. Вспомнил он о бывшем возмущении. Он думал, что возведя на трон Исмению, непристойно ему будет требовать и Арсасова на оной возведения. Он за правило почитал, чтоб никогда самому того не делать, что и другие могут сделать, и любить добро, от какой бы руки оное ни учинено было; притом же, зная Арсасовы и Исменины великия достоинства, желал, чтобы они собственно по оным получили щастие. Он отказывался от того почтения, которое ощущается к великим людям во всех случаях, великость души своея оказывающих. Он желал, чтобы его так любили, как человека, великия нещастия испытавшаго; он хотел, чтоб ему так удивлялись, как человеку, знающему чувствовать других страсти и желания, как собственно свои. Впрочем он не сомневался, чтоб Арсас не так был всеми сердцами Бактрианцов любим, как иностранной; но так, как Бактрианец.

Арсас наслаждался неисчерпаемым благополучием. Ардазира, которую он считал умершею, была ему возвращена. Ардазира была Исмения; Ардазира была Королева Бактрианская; Ардазира учинила его над оными Королем. Он попеременно чувствовал то свою великость, то любовь. Он любил корону не для того, что она была знаком его независимости; но для того, что безпрестанно ему напоминала о том, что он должен быть совершенно ее достоин. Он любил трон для того, что видел тут руку, которая на оной его возвела.

Исмения в первой еще раз чувствовала удовольствие быть Великою Государынею. До Арсасова прибытия она была щастлива; но не доставало для нее человека, которой бы был в состоянии заставить чувствовать онаго приятности. Среди двора она была одна. Десять миллионов смертных хотя лежали у ее ног, но она почитала себя оставленною.

Арсас велел тотчас пред себя призвать Гирканскаго Принца.

Лишь ты предстал пред меня, сказал он ему, то узы с рук твоих опали: должно, чтоб не было ни одного несчастного в государстве наищастливейших из смертных.

Хотя я тебя и победил; но не думаю, чтобы ты мне уступил в храбрости. Но прошу согласиться, что ты мне уступишь в великодушии.

Королева была ласкова. Сродная ей гордость всегда исчезала, когда ей исчезнуть долженствовало.

Простите меня, сказала она Гирканскому Государю, что я не отвечала на вашу страсть: Арсасова супруга не могла быть вашею. Вы должны жаловаться на вашу судьбу. Естли Гирканиа и Бактриана не составляют одного государства, то оныя по крайней мере должны быть в союзе. Исмениа может вам обещать дружбу, коль не могла обещать вам любви.

Я толикими, отвечал Принц, удручен будучи нещастиями, и столь много вами благодетельствован, что не знаю, примером ли нещастия, или щастия служить могу.

Я обратил против вас оружие, дабы отмстить за презрение, котораго вы ко мне не имели. Никто из нас недостойн был, дабы небо благоприятствовало моим намерениям. Я возвращусь в Гирканию, и в оной забыл бы свои нещастия, естли бы не находилось между оными того, что я вас видел, и более уже не увижу.

Красота ваша воспевается будет во всем востоке; она соделает славнейшим всех прочих тот век, в котором вы живете, и в будущих потомках имена Арсаса и Исмении соделаются наилестнейшими именами для красавиц и любовников.

Непредвиденный случай возтребовал Арсасова присутствия в одной государства провинции: он оставил Исмению. Какия нежныя прощания! какия сладкия слезы! Сей случай не столько заставлял печалиться, сколько нежностью умягчиться. Горести разлуки услаждались воображением приятностей будущаго свидания.

Во время Королевскаго отсутствия все было так расположено, что время, место, люди, словом, все предметы Исмении о нем воспоминали. Он был отдален; но дела его доказывали, как будто бы он был близ нее. Все, что об Арсасе напоминало, было для нее приятно; она, не находя Арсаса, находила своего любовника.

Арсас безпрестанно писал к Исмении. Она читала:

“Я видел великие города, к границам твоим ведущие; я видел целых народов, упдающих к моим ногам. Все мне напоминало,

что я царствовал в Бактриане; но не видя той, которая меня соделала Королем, я оным перестая быть.”

Он ей говорил:

“Естьли бы небо соблаговолило мне найти питье бессмертия, толь тщетно искомаго во всем востоке, я бы прежде онаго дал тебе выпить, ты была бы бессмертна, или бы я умер вместе с тобою.”

Он ей писал:

“Городу, мною построенному, я дал твое имя. Мне кажется, что оной будет населен из наищастливейших наших подданных.”

В другом письме, содержащем наинейнейшия изъяснения о ее красоте, он прибавлял:

“Я пишу тебе о сем не для того, чтоб тебе понравиться, но хочу усладить мои скуки, и чувствую, что в моей душе возстановляется тишина, когда с тобою о тебе говорю.”

Напоследок она получила следующее письмо:

“Я щитал дни, теперь щитаю я минуты; оные гораздо продолжительнее и самых дней. Прекрасная Королева! сердце мое не столь спокойно по мере, чем ближе я к тебе приближаюсь.”

По возвращении Арсасовом из всяких стран приехали Посланники; из них некоторые были странны. Арсас сидел на троне, поставленном среди двора палат. Спартанский Посланник явился первый. Он сидел на прекрасной лошади, и не сошед с оной, так говорил:

“Гирканский тигр опустошал страну, слон затоптал его ногами. Младый тигр остался, и был уже столь жесток, как и его отец; слон по прежнему его усмирил. Все звери, боящиеся лютых зверей, приходили к нему искать себе корму. Он утешался тем, что был их защитою, и сам себе говорил: сказывают, что тигр есть Царь зверей; он их тиранн, а я их Царь.”

Персидский Посланник говорил следующее:

“С начала света луна сочеталась с солнцем. Всей тверди звезды хотели на ней жениться. Она им сказала: посмотрите на солнце, и посмотрите на себя, все вы вместе не имеее столько сияния, сколько оно одно.”

Напоследок приехал Посланник Египеской и говорил:

“Когда Изиса вышла за великаго Озириса, сей брак был причиною и корнем благоденствия целаго Египта. Таковаяж будет участь и Бактриан женидьбою двух их богов.”

Арсас на всех стенах дворца своего оставил свое и Исменино имя. Буквы, оное означающия, были вместе связаны. Запрещено было писать Арсаса без Исмении.

Все дела, требующия строгости, он выполнял один; он хотел, чтоб его имя и Исменино было написано только для создания кому либо щастия.

Я тебя люблю, говорил он, за божественную твою красоту и всегда новоявляющиеся приятности. Я тебя еще более люблю, когда я делаю дела, дростойныя Великаго Государя, тем мне кажется, что я тебе более нравлюсь.

Ты хотела, чтоб я был твоим Государем, хотя я и думал о том только щастии, чтоб быть твоим супругом. Я наслаждался с тобою всем щастием онаго, и ты меня научила не упиваться им тогда, когда должно было помышлять о славе.

Ты приучила мою душу к милосердию; и когда ты просила о вещах, кои не лъзя было исполнить, всегда ты заставляла почитать сердца твоего сострадание.

Твои женщины не входили в придворныя хитрости; оне искали кротости и забвения всего того, что оне не должны любить.

Я думаю, что небо соблаговолило меня учинить Великим Государем; ибо я сыскал в обыкновенных преткновениях Государей средства сожалеться добродетельным.

Никогда Бактрианцы не жили в толиком щастии. Арсас и Исмения говорили, что они владеют самым лучшим народом в свете. Бактрианцы говорили, что ими владеют самые лучшие Государи.

Он говорил, что родясь подданным, тысящу раз желал жить под владением добраго Государя, и его подданные самаго тогож желали.

Он к тому прибавлял, что обладая Исмениным сердцем, обязанным находится заставлять ее любить все сердца на свете; и что он не мог предложить ей престола, но добродетели, достойныя онаго.

Он думал, что любовь его соделается блаженством, и что слава его способствовать будет к получению онаго. Он хотел, чтобы сии слова были написаны на его троне: Исмения имела супругом Короля, любимаго всеми смертными.

Он говорил, что любит за то Аспара, перваго своего Министра, что он всегда говорит о подданных, редко о Государе, и никогда о самом себе.

Он имеет три великия вещи, говорил он: здравый разум, чувствительное сердце и чистую душу.

Арсас всегда говаривал о невинности его в управлении народов. Он говорил, что руки его неповинны никакому злу, для того что первое учиненное им зло затмит в сей жизни его славу, и что с сего времени устроится непрерывная цепь других неверностей. Я б наказал, говорил он, человека подозреваемого. Нет, новыя подозрения против родни его и друзей преданнаго мною смерти пришли б в мою голову. Вот семя другаго злодеяния. Сии жестокие дела заставили бы думать, что я ненавидим моими подданными. Я бы начал их бояться; а сие бы побудило меня к другим делам, соделывающим новый ужас.

Что естли бы моя жизнь замарана была таковыми пятнами, отчаяние добрыми делами загладить прошедшее заставляло бы меня презирать будущее.

Арсас очень старался о сохранении древних законов и обычаев Бактрианских. Он пекся об общественной пользе; ибо он части примечал, что всякой называет то законом, что соответствует его намерениям, и называли то злоупотреблением, что противно было их выгодам.

Что от поправления злоупотреблений вместо исправления вещей совсем их уничтожали.

Он был уверен, что благо не должно тещи в государстве как только по каналу законов; что средство к продолжительному благу состояло в порядочном течении онаго; что средство продолжительного зла состояло в нарушении оных.

Что должности Государя должны состоять не только в том, чтоб законы защищать от страстей других, но должно защищать оные и против собственных своих страстей.

Что хотя свойственно Государям желать соделать людей щастливыми; но не можно сего учинить, не имев совершеннаго знания частных познаний оное соделывать.

Что к великому щастию великая наука царствовать более требует чувств, нежели остроумие; более желанием приобретеннаго просвещения, нежели великаго просвещения; более знания опытов, нежели учения об оных; более искусства знать людей, нежели способность оными управлять.

Что обращаясь с людьми, можно знать их и свойства, что не возможно проступкам и порокам долго укрываться. Что большая часть людей имеют занавесу; но оная столь мало их закрывает, что не возможно, чтоб хотя одна оной сторона когда либо не открылась.

Арсас никогда не говаривал о делах с чужестранными, но любил рассуждать о находящихся во внутренности государства; ибо сие есть единственное средство знать совершенно онаго состояние; и для того говаривал, что добрый Государь хотя все должен содержать в тайне, но не должен быть слишком недоверчив.

Он говорил, что он внутренно чувствует, что он добр, снисходителен, ласков, человеколюбив, что любит славу и своих подданных; но со всеми бы сими хорошими свойствами, естли бы не имел в разуме начертанных великих правил управлять государством: то совсем бы другое с ним последовало, и самое бы то, что подданные имели бы в нем добраго Государя, но такого, которой мало воспользовался своим благополучием, и которому бы данной дар Провидением мало употреблен был для их пользы.

Тот обманывается, кто чает найти на троне благополучие, говорил Арсас: на оном нет инаго щастия, кроме того, которое с собою приносят; а часто и оное благополучие подвергается опасности. И так коль не определено богами, присовокуплял он, вкушать щастие повелевающим: то должно, чтобы оные составляли щастие повинующихся.

Арсас, зная отказывать, знал и давать.

Часто говаривал он: четырех деревень есть недостаточной подарок знатному господину, делающемуся бедным, или бедному, делающемуся великим господином. Я могу обогатить общественную бедность; но не могу помочь бедности, роскошью чинимой.

Арсас с большим любопытством ходил в хижины, нежели в палаты его знатных.

В оных, говаривал он, я имею самых верных советников; в оных я воспоминаю о том, что при дворе моем забываю. Там мне говорят о своих нуждах. Сии каждого малыя нещастия составляют всеобщее нещастие. Я узнаю о всех сих нещастиях, и все оне вместе составляют собственное мое.

В сих хижинах я вижу те печальные предметы, кои составляют удовольствие тех, которые могут пременить их участь, и кои дают мне знать, что я могу сделаться гораздо большим Государем, нежели сколько есмь. Я вижу там по пролитии слез восстановленную радость вместо того, что усматриваю при дворе моем после радости слезы.

В один день ему сказали, что в некотором публичном собрании комедианты пели ему похвальные песни.

Знаете ли вы, сказал он, для чего я сим людям позволяю себя хвалить? Это для того, чтобы честные люди презирали лесть, видя их в оной худой успех. Я столь великую власть имею, что всегда будут искать средств мне нравиться. Я надеюсь, что боги научат меня оною не прельщаться. Что касается до вас, мои друзья! говорите мне всегда правду; оной только от вас я требую: ибо одной ее только мне недостает.

Причиною возмущения, учиненнаго при конце царствования Артамена, было то, что он, будучи еще молод, победил некоторой малочисленной народ, жительствующий между Мидиею и Бактрианою. Они были его союзники; он хотел, чтоб они были его подданными. Они соделались его неприятелями, и обитая в горах, не лзя их было совершенно покорить под власть. Мидийцы поощряли их к нарушению покоя Бактрианцов, так что оныя, стараясь их завоевать, обезсилили государство. Когда и Арсас взошел на трон: то и тогда несовершенно они усмирились. Вскоре Мидийцы оных взбунтовали. Арсас к ним поехал, завоевал и покорил. Собрал народ и говорил им следующее:

“Я знаю, что вы с нетерпеливостию сносите разорения Бактрианцов, я сему и не удивляюсь. Вы любите древних ваших Государей за то, что они были добродетельны. Я также моим милосердием и правосудием думаю, что удостоюсь вашей любви и того, чтоб вы меня признали истинным наследником тех, коих вы столь много любили.”

Он велел призвать двух главных начальников сего опаснаго возмущения, и сказал народу:

“Я их посылаю к вам, дабы вы их сами судили.

Всякой, их обвиняя, себя оправдывал.

“Познайте, сказал он им, то щастие, которое вы имеете, быв подданными такого Государя, которой в наказаниях не следует страсти, и которой он только следует, когда награждает; которой приписывает славу победы одной только участи, и оную поставляет в том, чтобы прощать.

“Вы будете жить щастливо под моею державою. Сохраните прежние ваши обычаи и законы; забудьте, что я вас победил оружием; но считайте, что моею любовью.”

Весь народ пришел благодарить Арсаса за заключенный мир и оказанное милосердие. Старики начали речь. Первой говорил следующее:

“Мне кажется, что я вижу те великия древа, кои украшают нашу страну. Ты оных корень, а мы его листья, закрывающия от лучей солнца младыя отрасли.”

Другой ему говорил:

“Прежде сего долженствовало бы тебе просить богов, чтоб снизили великия горы, дабы не могли оне нас против тебя защищать. Проси теперь, чтоб оныя вышиною своею касались до облаков, дабы удобнее тебя могли защищать от твоих неприятелей.”

Напоследок третий сказал:

“Возри на быструю реку, текущую по нашей стране; там, где она, будучи быстра и стремительна, и все опровергая, разделяется, и столь не глубока, что женщины чрез оную переходят. Но естли ты посмотришь на нее в тех местах, где она тиха и спокойна, там медленно скапливаются воды: там она почитаема народом, и останавливает армии.”

С сего времени сии народы соделались наивернейшие подданные Бактрианцев.

Между тем Мидийский Король узнал, что Арсас царствует в Бактриане. Возпоминание об учиненной им ему обиде возбудилось в его сердце.

Он решился объявить ему войну, и просил вспоможения у Гирканскаго Короля.

“Присоединясь ко мне, писал он к нему, удовольствуем общее наше отмщение. Небо тебе предопределило обладать Бактрианскою Королевою. Один из моих подданных у тебя ее похитил, приди оную завоевать.”

Гирканский Король написал ему следующее в ответ:

“Я и ныне бы находился в плену у Бактрианцев, естли бы не обрел великодушия в моих неприятелях. Благодарю небо, что царствование мое началось с нещастий. Бедствие есть наша истинная мать, а благоденствие злая. Вы мне предлагаете о ссорах, совсем неприличных Государям. Пусть Король и Королева Бактрианские наслаждаются щастием друг другу нравиться и друг друга любить.”

КОНЕЦ

Ш. Л. Монтескье

Арсас и Исмения

Печатается с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации в переводе Николая Ивановича Страхова (1768–1843?) — писателя, переводчика, издателя сатирических журналов.

Воспроизведена титульная страница издания 1787 г.

Монтескье работает над написанием своего последнего романа в 1748–1750 гг., однако впервые он был напечатан без завершающего произведение двойного самоубийства в 1783 г. в «Посмертных произведениях», изданных сыном писателя. Целиком восточная повесть или роман был издан лишь в 1955 г. На русский язык был переведен еще раз:

Арсас и Исмения : Роман. / Соч. г. Монтескю; Перевод с французского. Санктпетербург: в типографии Губернского правления, 1810. — 119 с. Переводчик Е. Г. Чилияев.

Полный текст имеет трагическую развязку: Арсас попадает в плен, известие о его смерти доходит до Исмении, которая кончает жизнь самоубийством. Узнав об этом, Арсас тоже лишает себя жизни. Чаще всего публикуется именно укороченный вариант.

¹ Роман с ключом «Артамен, или Великий Кир» французской писательницы, представительницы прециозной литературы Мадлен де Скюдери (Madeleine de Scudéry; 1607–1701) был чрезвычайно известен в свое время. В нем идет речь о судьбе царя Мидии Кира II Великого (VI в. до н. э.), писательница опирается на Ксенофонта («Киропедия») и Геродота, однако очень свободно обращается с историческим материалом.

² *Бактриана (Бактра)* — так называлась в древности местность, лежавшая между западной частью Гинду-Куша, Парапамизом и рекой Оксусом (Аму, или Хигон), отделявшей ее от лежащей севернее Согдианы, ныне Балх. В древнейшие времена Бактриана была местом деятельности великого основателя религии и законодателя Зороастра. Вместе с Мидийским царством, которому она впоследствии принадлежала, Бактрия вошла во времена Кира в состав созданной им огромной Персидской монархии, причем бактрийцы с подвластными им жителями Согдианы и Маргианы добровольно признали владычество Кира. Бактриана в древние времена славилась просвещением, и главный город ее Бактра (ныне Балх) был важным пунктом торговли Средней Азии.

³ *Гиркания* — греческое название области вдоль юго-восточного берега Каспийского моря, входившая в состав Персии.

⁴ *Мидия* — древнее восточное государство, а также древняя этногеографическая область на западе Ирана. Мидийское царство существовало в

670–550 до н. э. и в годы своего расцвета было гораздо шире границ этнической Мидии.

Ш. Л. Монтескье

Троглодиты

Печатается с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации. Воспроизведена первая страница издания 1779 г.

¹ Бочарников (Бачарников) Капитон перевел рассказы из составленной французским детским писателем А. Беркеном хрестоматии «Lectures pour les enfants, ou Choix de petits contes également propres à les amuser et à leur faire aimer la vertu» (1775 и др.). Эти переводы из произведений Вольтера, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ф. Сен-Ламбера, П.-П.-Ф. Летуэрнера, С. Геснера, Ф. Т. М. де Бакюляра д'Арно, были изданы под названием «Детское чтение, или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель» (1779). См. об этом переводе: Васильева Е.Н. «Персидские письма» детям: к истории переводов Ш.-Л. Монтескье. // *Studia Litterarum*, т. 4, No 2, 2019, с. 128–143.

² Толстой Федор Матвеевич (1748–1789) — премьер-майор и фактический командир Преображенского полка в 1775–1780 гг., приближенный Екатерины II и ее любимый чтец.

³ *Троглодит* (др.-греч. τρογλοδίτης — «живущий в пещере») — в концепции Карла Линнея вид людей (лат. Homo troglodites), характеризующийся человеческим обликом, обильной волосатостью и неразвитой речью. Выделен на основе свидетельства древних авторов и рассказов путешественников. С появлением эволюционизма под троглодитами стали понимать предков человека, которые дожили до наших дней в отдалённых местах планеты, однако в дальнейшем существование троглодитов как подвида рода людей не подтвердилось и ими стали называть в переносном значении малокультурных людей или просто людей, живущих в пещерах.

Александр Павлов

О прямом разуме законов

<фрагмент>

Печатается по: О прямом разуме законов, пер. Александра Павлова, лейб-гвардии Измайловского полка квартирмейстера. Т. I. РНБ, Фонд 885: Собрание Эрмитажа, Русские рукописи, № 42.